

Три подруги в поисках денег и счастья

Наталья Александрова

Убийство на троих

«Автор»

2002

Александрова Н. Н.

Убийство на троих / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2002 — (Три подруги в поисках денег и счастья)

Настоящая женская дружба выдержит любые испытания. Но выдержит ли она соперничество в любви? Три подруги – Ирина, Жанна и Катерина, бизнес-леди, домохозяйка и художница – обнаружили, что они делят одного мужчину на троих. Это не разрушило их дружбу, и все могло бы закончиться бурным выяснением отношений, но ловеласа убивают, и подозрение падает на подруг...

© Александрова Н. Н., 2002

© Автор, 2002

Наталья Александрова

Убийство на троих

Рубен Варганович тяжело опустился на заднее сиденье «мерседеса» и коротко бросил водителю:

– На Фурштатскую.

«Мерседес» плавно и мощно рванул с места. Водитель прекрасно знал маршрут: в красивом пятиэтажном доме позднего модерна Рубен Варганович снимал квартиру для своей очередной пассии, девятнадцатилетней Анджелы.

Машина остановилась, немного не доезжая до дома – Рубен соблюдал конспирацию, хотя в банке уже все, включая уборщицу, знали, к кому он ездит после обеда.

Охранник проводил Рубена до подъезда и остался в скверике, лениво поглядывая по сторонам и покуривая.

Рубен Варганович, тяжело пыхтя, преодолел несколько ступенек, что вели к лифту. Он снова подумал, что надо бы худеть, и снова отбросил эту мысль: отказать себе в маленьких радостях жизни, таких, как хороший обед, состоящий из мучного и жирного, он не мог.

Поднявшись на третий этаж, он открыл дверь своим ключом и, весело напевая, вошел в прихожую. Анджела его почему-то не встречала в дверях, как было у них заведено.

– Лягушоночек! – крикнул он в глубь квартиры и, не услышав ответа, шагнул в комнату.

«Лягушоночек» сидел в кресле, связанный по рукам и ногам. Рот Анджелы был заклеен пластырем, волосы растрепаны, хорошенькое личико заревано.

Рубен Варганович по инерции шагнул к связанной любовнице, но тут же понял, что происходит что-то из ряда вон выходящее, оглянулся и хотел броситься к дверям, но к нему уже подскочили двое парней в черных комбинезонах и масках с прорезями для глаз. Рубен хотел крикнуть, но ему уже ловко заткнули рот кляпом, руки завели за спину и связали. Потом надели на голову матерчатый мешок и потащили к кровати.

Уложив его на широченную кровать, один из нападавших закатал рукав и сделал Рубену Варгановичу инъекцию.

– Ну и здоров, бугай! – сказал его напарник, отдуваясь.

– Тсс! – «Санитар» приложил палец к губам: говорить нельзя, чтобы Рубен не смог запомнить их голоса.

Отломив кончик у другой ампулы, он сделал укол бьющейся в ужасе Анджеле. Уколы по-разному действовали на пациентов: Рубен Варганович мирно захрапел, у него наступил глубокий и здоровый сон, а его любовница задрожала мелкой дрожью, лицо ее посинело, и она затихла навсегда.

«Санитар» подошел к телефону и, не снимая перчаток, набрал номер.

Охранник скучал. Он уже полчаса подпирал дерево на Фурштатской, выкурил четвертую сигарету. Если бы можно было сидеть в машине и болтать с водителем, время шло бы быстрее, но так не положено: его пост здесь, против дверей.

Вдруг к подъезду с завыванием подъехала машина «скорой помощи». Двое санитаров в белых халатах выскочили из нее и бегом скрылись в парадной.

Телохранитель Рубена Варгановича забеспокоился. Он вынул из кобуры «ПМ» и вбежал в подъезд, чтобы проверить, все ли в порядке и на какой этаж поднимаются санитары. Одним духом взбежав на третий этаж, он шагнул к двери Анджелкиной квартиры, но не успел ничего предпринять: на пол-этажа выше, в небольшой скрытой нише, стоял человек в комбинезоне и маске, который ждал его появления. Раздался негромкий хлопок, и телохранитель рухнул как подкошенный. Человек в маске спустился к нему, открыл дверь и втащил труп в прихожую.

Двумя минутами позже из подъезда вышли санитары. На этот раз они шли гораздо медленнее, таща тяжелое тело на носилках, покрытых простыней. С прежними завываниями «скорая» сорвалась с места и исчезла. Водитель Рубена Варгановича Варданяна проводил «скорую» ленивым взглядом.

* * *

Впервые за всю историю концерна «Севимпекс» правление собралось не в кабинете Варданяна, а у его зама, Виктора Полищука. Полищук сидел во главе стола землисто-серый и мелкими глотками пил минералку. Когда все члены правления заняли свои места, он откашлялся и начал:

– Вы знаете, что произошло. Рубен Варганович похищен.

– По бабам нечего шлаться, – зло прокомментировал угрюмый финансист Поликарпов, – в его-то возрасте...

– И при его комплекции, – вставил Лев Исаевич Гольдберг, который сам мечтал хоть немного похудеть и поэтому остро беспокоился о чужих килограммах.

Полищук взглянул на Ли Фана, обладающего большим пакетом акций и еще большим авторитетом: к нему, осторожному и опытному бизнесмену, прислушивались многие держатели акций, и от его мнения зачастую зависел исход голосования. Ли Фан был, как всегда, невозмутимо, прочесть что-либо на нем не удавалось никому, но вот его руки служили своего рода барометром: если они спокойно лежали на столе, значит, Ли Фан удовлетворен ходом совещания и ситуацией в целом. Если он массировал пальцы – значит, его что-то не устраивает и он готовит какой-то серьезный шаг, а если, как сейчас, он барабанит пальцами по столу, значит, он в гневе и может запросто встать и уйти вместе со всеми своими голосами и голосами ориентирующихся на него акционеров.

Полищук, и без того озабоченный, заволновался еще сильнее и снова заговорил, стараясь не показать своего волнения:

– Похитители связались с нами и заявили о своих требованиях. Им нужен миллион долларов.

– Пусть зажарят старого козла! – заговорил Поликарпов, в котором в минуты гнева давало знать о себе уголовное прошлое. – Он по девкам таскается, а мы его выкупать должны?! Пусть делают с ним что хотят!

Полищук ждал такой реакции. Он молчал, дожидаясь, пока члены правления выплеснут эмоции и в кабинете наступит тишина. Ли Фан по-прежнему барабанил пальцами, но уходить пока не собирался. Хитрый Гольдберг молчал и наблюдал за остальными, как и Полищук.

Неожиданно заговорил Ли Фан:

– Меня интересует только одно. Если за какой-то товар запрошена такая высокая цена, я хочу знать: нужен ли мне – ну, нам всем – этот товар. Я слушаю, Виктор.

Виктор с благодарностью взглянул на китайца: как только Ли Фан заговорил, в комнате воцарилась тишина – так редко он брал слово и так внимательно его привыкли слушать. Теперь он как бы вручил Полищуку общее внимание и общее доверие.

– Господин Фан, как обычно, ухватил корень проблемы. Рубен Варганович нам необходим. Наши крупнейшие контракты в огромной степени зависят от его личных связей в Ростовской области и на Северном Кавказе. Мне уже звонил Мамедов – не знаю, как к нему просочилась информация, – и по тому, как он строил разговор, я понял, что без Рубена нам не видать невинномысского заказа как своих ушей...

– Да пусть они подавятся своими дерьмовыми контрактами! – заорал Поликарпов. – Миллион зеленых за жирного бабника – это цена несусветная! Он будет по девкам шлаться, а мы за него платить?! Не дождется! Пусть из него хоть суп сварят, я и пальцем не пошевелю.

Ли Фан опустил глаза и еще быстрее забарабанил пальцами по столу. Полищук, дождавшись, когда в комнате снова стало тихо, продолжил:

– Невинномысский заказ – это будущее нашего концерна. Я уж не говорю о том, что мы и сейчас в большой степени зависим от наших южных партнеров, а без Рубена Варгановича мы можем их потерять. Решайте, господа, мне кажется, что нужно заплатить выкуп. Но разумеется, все решит голосование.

– Я – против, – мрачно заявил Поликарпов.

Его пятнадцать процентов голосов еще ничего не решали, но, сообщив о своем выборе первым, он мог повлиять на мнение других членов правления. Действительно, следом за ним против уплаты выкупа проголосовал Аркадий Иванович Шепило, обладавший семью процентами голосов, а затем и Арвидас Спецкис с восемью процентами. Ситуация становилась критической. Полищук с волнением ждал, что скажет Ли Фан.

Китаец молчал и не поднимал глаз, и так же медлили остальные члены правления. Наконец Ли Фан прекратил барабанить по столу и коротко сказал:

– Платить.

Полищук вздохнул с облегчением: Ли Фан, как и Поликарпов, владел пятнадцатью процентами, но ему верили, его осторожность и здравый смысл ни у кого не вызывали сомнений, и, после того как он высказался за уплату, ход голосования резко изменился. Следом за Ли Фаном проголосовали за выкуп четверо относительно мелких держателей, в сумме набравших двадцать процентов, и наконец высказался Гольдберг с четырнадцатью процентами, окончательно решив дело в пользу выкупа.

Полищук поблагодарил членов правления за принятое ими правильное, с его точки зрения, решение и сообщил им, что непосредственными вопросами переговоров с похитителями, передачей денег из особого фонда концерна и обменом их на Рубена Варгановича будет заниматься директор департамента безопасности Андрей Черкасов.

Похитители несколько раз звонили по служебному телефону Полищука, уточняя процедуру передачи денег и освобождения заложника. Каждый их звонок записывался на магнитофон, техники из департамента Черкасова пытались засечь, откуда идет звонок, но все было безуспешно: автоматический определитель номера не срабатывал – видимо, у преступников была специальная аппаратура, и говорили они всегда очень коротко. Голос звонившего тоже был изменен – у него был неживой металлический тембр.

Передачу денег назначили на среду. Похитители потребовали, чтобы деньги вез один человек в машине с сотовым телефоном, по которому они будут сообщать ему маршрут.

Созданный и возглавляемый Полищуком оперативный штаб принял решение, что деньги повезет сам Черкасов. Ему передали чемоданчик с деньгами из секретного фонда концерна. Эти деньги – неучтенная, так называемая черная наличка – предназначались для экстренных непредвиденных платежей, подкупа должностных лиц, расчетов с бандитскими группировками, если не удавалось решить дело переговорами, и других не предусмотренных российским законодательством целей. И вот теперь они должны были вернуть концерну его главу.

Чемодан с долларами положили на переднее сиденье черкасовской «тойоты». Черкасов сел в машину, имея под рукой работающий сотовый телефон. Рядом стояла «под парами» служебная «БМВ» с тремя оперативниками из его департамента: хотя похитители строжайшим образом настаивали, чтобы на встречу ехал один человек, в концерне решили, что «хвост» необходим: Полищук недвусмысленно высказался в том духе, что похитители похитителями, а за самим Черкасовым тоже присмотр нужен: каким бы надежным человеком он ни был, но миллион долларов может пагубно повлиять на нравственность даже святого, и у кого угодно может мелькнуть шальная мысль скрыться с этим миллионом.

В назначенное время зазвонил сотовый телефон, Черкасов поднес его к уху и получил команду ехать немедленно к Загородному проспекту. Неприятным сюрпризом было то, что похитители приказали ему не отключаться и постоянно быть с ними на связи: тем самым они лишали его возможности в промежутках между звонками сообщать в концерн свой маршрут. Оставалось надеяться только на «хвост».

«Тойота» тронулась, «БМВ» ехала следом.

Через несколько минут снова зазвонил телефон Полищука. Представитель похитителей сказал своим металлическим голосом:

– Я сказал ясно: один человек, а вы ему «хвост» приделали. Если не снимете преследование, операцию отменяю.

Полищук выругался и связался с «БМВ»:

– Больно заметно идете, вас засекли. Сейчас пришло «пятерку», сядете в нее, держитесь от Андрея подальше, но из виду не упускайте.

Ребята незаметно пересели в невзрачные «Жигули», водитель которых старался держаться подальше от Черкасова, который, судя по всему, получил новые указания: проехав Загородный проспект, он пересек Московский и выехал на параллельную ему улицу Егорова. «Пятерка» наблюдателей держалась на известном удалении.

С улицы Егорова «тойота» свернула на Седьмую Красноармейскую – узкую, неудобную для проезда улицу с односторонним движением. Следом за ней на эту же улицу свернула вишневая «девятка» и неожиданно остановилась, полностью перекрыв движение. По сторонам Седьмой Красноармейской стояли насмерть вмерзшие в сугробы машины местных жителей, так называемые подснежники, которые до весны невозможно извлечь из снежного плена. На дворе был февраль, снегу было полно, а ждать теплых дней предстояло машинам еще минимум два месяца. Таким образом, место на проезжей части оставалось только для одной машины.

Парни из концерна, громко ругаясь, выскочили из машины и побежали к «девятке», на ходу обещая оторвать «этому козлу» голову и кое-что еще. Однако «козел» оказался молодой привлекательной женщиной, которая чуть не в слезах пыталась завести заглохший в таком неудачном месте мотор. При виде ее расстроенной мордашки злости у ребят несколько поубавилось, но время было дорого. Поэтому они подцепили «девятку» на трос и задним ходом вытащили с перекрестка. Однако когда они вернулись в свою машину, «тойота» Черкасова уже исчезла из виду. Проехав Красноармейскую до конца, ребята осмотрелись. Но «тойоты» и след простыл.

Надо было связываться с начальством. Полищук сильно занервничал, потому что его очень волновала судьба миллиона долларов, гораздо сильнее, чем судьба самого Рубена Вартановича, но про это он благоразумно никому не рассказывал. К счастью, ему пришла в голову замечательная идея. Брат одного из сотрудников концерна работал на достаточно высоком посту в городской ГАИ. Руководство концерна неоднократно обращалось к нему с различными просьбами, всегда щедро оплачивая его услуги, поэтому он стал как бы своим человеком. Сейчас Полищук связался с ним и попросил не в службу, а в дружбу, чтобы тот объявил на милицейской волне о розыске «тойоты» Черкасова – с тем чтобы ее ни в коем случае не задерживали, но немедленно сообщили о местонахождении. Идея сработала, через короткое время Полищук уже знал, где находится машина, и группа наблюдения срочно выехала за ней. Однако Полищука очень беспокоило, что делал Черкасов в те сорок минут, когда за ним никто не наблюдал.

– Теперь едешь к Володарскому мосту, – прозвучала команда похитителей из сотового телефона.

– Еду к Володарскому мосту, – повторил Черкасов.

Он повторял каждую команду преступников, как будто подтверждая, что все понял правильно и приступает к выполнению. Похитители не догадывались, что в его машине два включенных сотовых телефона и он повторяет маршрут для сообщника.

Выехав на мост со стороны Ивановской улицы, Черкасов получил другую команду:

– Остановись, подойди к ограждению и сбрось чемодан с деньгами на нижний уровень. Потом получишь дальнейшие инструкции.

Черкасов остановился, вышел из машины, подошел к ограждению моста и сбросил чемодан на нижнюю развязку. Затем он снова сел в машину, не дожидаясь команды по телефону, резко дал газ и на максимальной скорости рванул к противоположному концу моста.

Группа наблюдения недолго колебалась: съехать с моста, чтобы перехватить тех, кто заберет чемодан, и продолжить наблюдение за ними они все равно не успели бы. Они высадили одного человека, чтобы тот попытался хотя бы разглядеть машину, подъехавшую за деньгами, а сами устремились за черкасовской «тойотой».

Они успели только к развязке драмы: на дальнем конце моста Черкасова расстреляли из встречной машины – «восьмерки» с затемненными стеклами и явно фальшивыми номерами. «Тойота» резко развернулась, врезалась в ограждение и рухнула на набережную под мостом. Оперативники пытались преследовать «восьмерку», но пока сумели развернуться на мосту, та уже безнадежно оторвалась.

Таким образом, они не сразу съехали с моста к месту, где догорала разбитая «тойота» с мертвым искалеченным Черкасовым, и не видели, как из припаркованного на набережной синего «опеля» выскочила молодая женщина. Она ждала здесь Черкасова, а дождалась мертвеца. Быстро подбежав к телу, которое лежало чуть в стороне от горевшей машины, она убедилась, что Андрей мертв, обежала руками его одежду, вытащила бумажник, записную книжку и еще листок из нагрудного кармана и бросилась обратно к своему «опелю». Машина сорвалась с места и исчезла. Никто не видел, как «опель» промчался по набережной, выехал на Приморское шоссе и остановился перед воротами с надписью «Оздоровительный центр “Ольгино”».

В кабинете Полищука снова зазвонил телефон. В трубке звучал все тот же металлический голос:

– Вы с нами что, в игры решили играть?

– Какие игры! – заорал Полищук. – Какого черта вы расстреляли нашего человека, где Варданян?!

– Ах где Варданян? Ах почему вашего козла расстреляли? А что ты нам вместо денег подсунул? Полный чемодан старых газет! Ты, падла, за кого нас держишь? Забери своего козла на стоянке перед концерном. В твоей машине лежит!

На этом разговор прекратился. Полищук покрылся холодным потом. Прихватив по дороге заместителя убитого Черкасова и двух охранников, он выскочил на улицу, забыв надеть пальто, хоть на дворе и стоял февральский мороз. На стоянке перед входом среди прочих машин руководящего персонала сверкающий черным лаком новый «Сааб-9000» Полищука выглядел как член палаты лордов среди депутатов законодательного собрания города Урюпинска. Полищук кинулся к любимой машине, как мать к дорожному дитяти. С первого взгляда все было в порядке, и он уже с облегчением решил, что похититель просто припугнул его, но, открыв багажник, ахнул и схватился за голову. Там действительно лежал Рубен Вартанович, или то, что от него осталось. Зрелище было не для слабонервных.

В это мгновение один из охранников вдруг закричал: «Бомба!» – и потащил остолебеневшего от увиденного в багажнике Полищука прочь. В стороне он повалил начальника прямо на снег, несмотря на его отчаянное сопротивление. До Полищука все доходило как-то замедленно, и только когда рядом прогремел оглушительный взрыв и полыхнуло багровое пламя, он понял, что произошло, и задрожал мелкой дрожью. Больше жертв не было, если не считать

разнесенного чуть не на молекулы «сааба». Второй охранник и новый начальник департамента безопасности Гриша Воскресенский поднялись из-за соседнего «мерседеса», отряхиваясь от снега.

Полищук снова собрал у себя в кабинете оперативный штаб.

– Должен констатировать два неутешительных факта, – начал он совещание, – мы потеряли Рубена Вартановича – мир его праху, – и мы потеряли миллион долларов. Если с Рубеном Вартановичем уже ничего не сделаешь, то с деньгами еще можно попытаться кое-что предпринять.

– Вы думаете, что похититель сказал правду и денег они не получили? – подал реплику Воскресенский.

– По тому, как он держался при последнем телефонном разговоре, и по тому, что произошло потом, – Полищук вспомнил то, что он увидел в багажнике «сааба», и поежился, – я делаю вывод, что они действительно денег не получили. Когда Черкасов выехал на операцию, деньги у него были. Значит, он спрятал их где-то по пути следования.

– Неужели вы считаете, что Андрей...

– Григорий! – оборвал его Полищук. – Чудес не бывает! Мы дали Андрею чемодан с миллионом долларов, а похитителям он выбросил чемодан с газетами. Значит, именно он их подменил. И не надо изображать из себя невинную девушку! Каждый человек способен на преступление, все зависит только от суммы, которую ему это преступление принесет. Кто-то за рубль прирежет собственную тещу, для другого приемлемая цена – тысяча баксов, а для третьего – сто тысяч. Мы, конечно, доверяли Андрею Черкасову... Но миллион долларов – это большое искушение. Давайте примем за основу, что он эти деньги похитил, и будем думать как. Первое – когда у него была возможность подменить чемодан?

– Это ясно, – вклинился в его монолог Воскресенский, – он мог это сделать только в тот период, когда за ним не было «хвоста», то есть после того, как его потеряли на Седьмой Красноармейской.

Полищук строго обратился к участникам наблюдения за Черкасовым:

– Ну, рассказывайте, орлы, еще раз и подробно, как вы его потеряли.

– Мы следовали за ним на некотором удалении по улице Егорова, – начал докладывать старший группы, – его «тойота» свернула на Седьмую Красноармейскую. Между его машиной и нами шла вишневая «девятка» и прямо на Красноармейской заглохла. Улица узкая, движение одностороннее, везде машины в снегу стоят, так что никак не проехать. А там в «девятке» баба за рулем. Встала – и ни с места, полностью проезд заблокировала. Мы – к ней, с мотором разбираться уж не стали, подцепили на трос, вытащили задним ходом. Пока возились, Черкасов исчез.

– Баба молодая, красивая?

– В общем, да.

– Ясно. Вы и утратили бдительность. Номер «девятки»-то хоть записали?

– Обижаете!

– Опишите женщину.

– Брюнетка, лет 25–28, нос прямой, глаза... скорее темные...

– То есть просто сильно накрашенные. В общем, портрет применим к кому угодно, особенно если она была в парике. Возраст тоже понятие растяжимое: где 28, там и 35 при хорошей косметике.

– Вы считаете, что женщина была подставной?

– Абсолютно уверен. А вас провели как последних лохов.

«А если ты сам такой умный, то и не доверял бы Черкасову миллион долларов!» – подумали парни с обидой, но вслух ничего не сказали.

– Наведите справки по автомобилю, – продолжал Полищук, – но я подозреваю, что это нам ничего не даст. Ищите свидетелей – может, кто со стороны видел, что произошло.

Через час из ГАИ поступила информация, что «девятка» с названным номером числилась в угоне, найдена накануне на улице Егорова, то есть именно там, где ее оставили, вытащив с перекрестка. Искать в машине следы таинственной женщины было бесполезно: с машиной уже повозилась уйма людей. Что интересно, никаких неисправностей в «девятке» не обнаружилось.

Воскресенский послал трех человек опросить окрестных жителей – не видел ли кто вчерашнего происшествия на пересечении Седьмой Красноармейской и Егорова. Ребята покрутились на углу, и первой, к кому они обратились, была тетка-лоточница, торговавшая разной бакалейной мелочью. Тетка, мерзнувшая на пронизывающем февральском ветру, неприязненно посмотрела на троих здоровенных парней, вышедших из теплой машины, и отделалась одной фразой:

– Некогда мне по сторонам глазеть, я больше гляжу, чтобы у меня бомжи чего не сперли. Да чтобы хоть что-нибудь купили. Мне на жизнь зарабатывать надо, а не за вашими разборками следить!

Продавщица из ларька с сигаретами, чувствуя себя в большей безопасности, открыто послала их подальше и задвинула маленькое окошко. Ребята хотели было уже уходить несолоно хлебавши, когда один из них поднял глаза и увидел в окне второго этажа внимательно наблюдавшие за ними глаза. Человек поднял руку и сделал приглашающий жест. Парни вычислили квартиру с нужным номером и, поднявшись на второй этаж, позвонили.

Довольно долго никто не открывал, наконец за дверью раздался скрип, звук отпираемых замков и дверь отворилась. За дверью в инвалидном кресле на больших колесах сидел нестарый еще мужчина с бледным, нездоровым лицом.

– Как это вы – не спросили кто, дверь открываете незнакомым?

– А чего мне бояться? – искренне удивился инвалид.

И действительно, глядя на его безжизненные ноги, парни поняли, что самое страшное с этим человеком уже случилось.

– Ну что, интересуетесь вчерашней машиной? – хитро спросил мужичок.

– А ты, отец, откуда знаешь?

– А я вас узнал, вчера из окна видел, как вы ту «девятку» вытаскивали.

– Глазастый! – не удержался один.

– Верно, – согласился мужичок, – ноги не ходят, а глаза пока при мне. Пойдемте, покажу, откуда я вчера смотрел.

Он проехал в своем кресле по темному кривому коридору и выехал в маленькую угловую комнату, два окна которой выходили на разные стороны: одно – на улицу Егорова, другое – на Красноармейскую.

– Я знал, что кто-нибудь придет расспрашивать об этой истории, потому что слишком все странно выглядело. Самое главное – она была очень странная, баба эта, на «опеле».

– Как – на «опеле»? Она же на «девятке» ехала!

– Вам интересно? – спокойно спросил инвалид. – Очень про это знать нужно?

– Очень, – не сдержался старший из парней.

– А вы не из милиции будете? – настойчиво расспрашивал инвалид.

– Нет, что ты, отец. Мы по своему делу, – отмахнулись парни.

– Тогда – тысяча рублей, – спокойно сказал мужчина.

– Ну ты даешь! Может, еще в долларах тебе платить?

– Доллары мне без надобности, – ответил инвалид, – я на черный день деньги не откладываю, он для меня уже наступил. А жалко денег – так валите отсюда, ничего не узнаете.

Парни не то чтобы устыдились, сумма для них была небольшой, просто так горячились, для порядка.

– Ладно отец, не сердись, вот, держи свою тысячу.

– Ну, значит, сидел я здесь и смотрел в окно. Я часто в окно смотрю, когда тоска накатит. Этот ящик для идиотов, телевизор-то, осточертел уже. Сижу, значит, и смотрю, как на Седьмую с Егорова вывернула «тойота» и сразу за ней – «девятка». И как встанет на месте!

Тут вы, смотрю, подбегаете, – инвалид неодобрительно покосился на ребят, – суетиться начали, сердитесь очень. Честно говоря, думал, что вы этому, что в «девятке», сейчас фотографию начистите – такой у вас вид был серьезный. Ну потом вытащили вы эту машину и уехали. А из «девятки» выскочила интересная такая девка, – мужичок оживился, – я сверху подробностей не видел, но на первый взгляд все при ней. Гляжу я на нее, а она осмотрелась так незаметно, а потом взяла и из выхлопной трубы что-то вытащила. Ну, думаю, дела! Понятно, почему у нее машина заглохла, непонятно только, зачем самой себе такую каверзу устраивать. А девка эта тем временем от «девятки» спокойно удаляется и тут же неподалеку, на Егорова, садится себе спокойненько в синий «опель-омегу» – и поминай как звали. Но самое интересное, что когда она на «девятке» ехала, то это был не водитель, а горе одно за рулем, а на «опеле» – классный шофер: отъехала аккуратно, уверенно, ничего не задела, хотя «опель» был очень тесно припаркован. В общем, я ведь до этого, – инвалид показал на свои безжизненные ноги, – я до этого много лет шоферил, до аварии-то, столько километров на баранку намотал... И скажу честно, баб за рулем не люблю... но классного водителя от законченного «чайника» отличу по тому, как он в машину садится, как ключ в зажигание вставляет.

– Значит, говоришь, отец, синий «опель-омега»? А номер, случайно, не заметил?

– Ну уж вы слишком многого от меня хотите! Я «опель» только сбоку видел, вы в окно-то взгляните, номер отсюда никак не разглядеть. Вон там «опель» стоял, где сейчас бежевая «Нива» припаркована.

– Ну что ж, отец, тысячу свою ты отработал. Спасибо тебе.

– Ладно, раз вы по-хорошему, то я тоже. Номера машины я не помню, но... – мужичок хитро прищурился, – «опель»-то битый был.

– Битый? И сильно?

– Да нет, правое крыло немного помято, и, видно, недавно совсем: не стала бы она долго в таком виде ездить, хотя бы подкрасила.

– Отлично, вот это уже ниточка. Ну, будь здоров, папаша!

– И то дело, а то сижу здесь как сыч, один совсем...

Полищук, выслушав сообщение, даже в лице переменился.

– Ах ты, черт! Вот же сволочь, Черкасов, заранее подготовил операцию. Женщина – его сообщница, отрезала его от группы наблюдения, тем самым дала ему время спрятать деньги. Единственное, чего он не ожидал, – это того, что похитители, получив «пустышку», тут же его расстреляют. У них все было предусмотрено, специальные люди стояли с другой стороны моста, чтобы перехватить Черкасова, если что не так пойдет. Те внизу открыли чемодан, увидели газеты и сразу дали команду по телефону. Значит, теперь нам нужно срочно выяснить, где Черкасов был, пока не было наблюдения, и куда спрятал деньги.

– А почему вы думаете, что он не передал деньги той самой бабе, своей сообщнице? И теперь она, может быть, уже с деньгами на Мартинике или на Сейшелах?

Полищук посмотрел на Гришу с легкой усмешкой:

– Ты бы отдал бабе миллион зеленых? Вот просто так – взял бы и отдал?

Гриша пожал плечами:

– Это зависит от того, насколько я ей доверяю...

– Ох, Гриша, вряд ли ты удержишься на посту директора по безопасности... А Черкасов на этой работе четыре года продержался. И все почему? Потому что никому не доверял, все и всех проверял по десять раз. И деньги такие большие из рук ни за что не выпустил бы. Я уверен – он их где-то спрятал, в надежном месте.

– Тогда можно с деньгами попрощаться: Андрей их спрятал, Андрей мертв, кроме него, ни одна живая душа не знала, где миллион.

– А вот тут ты, Гриша, скорее всего не прав. Та самая таинственная женщина кое-что может знать. Ну хоть не полностью, но частично он ее в свой план посвятил. Судя по рассказам, баба эта – тертая штучка, вслепую работать не будет. Так что какая-то информация у нее точно есть. Значит, как ни крути, а бабу эту ты мне должен найти, и как можно скорее. Скажи спасибо наблюдательному инвалиду – какой-то след в виде синего битого «опеля» у тебя есть.

Гриша Воскресенский пошел по проторенной дорожке. Он снова связался со знакомым гаишником и попросил его выяснить по своим каналам, не было ли в последнее время зарегистрировано дорожно-транспортное происшествие с участием синего «опеля-омеги». Капитан взял тайм-аут на два дня, но позвонил назавтра. Голос у гаишника был удивленный.

– Григорий, ведь Черкасов Андрей Николаевич – это твой бывший шеф?

– Конечно, это его расстреляли на Володарском мосту.

– Так ты представляешь, нашел я ДТП в прошлом месяце. Действительно, столкнулся джип «Чероки» с синей «омегой» на углу Среднеохтинского и шоссе Революции. И, можешь себе представить, «опель-омега» зарегистрирован на Черкасова.

Воскресенский присвистнул:

– Мать моя, а мы его только на «тойоте» видели, про «опель» он никогда и не упоминал.

Полицук, узнав новость, приободрился.

– Теперь доказано, что женщина на «опеле» была сообщницей Черкасова! Нельзя верить людям, совершенно никому нельзя верить! Уж насколько Андрей был проверенный человек, а как коснулось дело больших денег – как переродился! Слушай, Григорий, ищите «опель». Гаишнику мы платим, пусть деньги отрабатывает!

Гаишник действительно деньги получал не зря, и уже через сорок восемь часов один из дежурных ГАИ, чью память освежили шуршанием стодолларовой бумажки, вспомнил, что синий «опель-омега» с нужным номером в день перестрелки на мосту ехал по набережной в сторону моста Александра Невского, а другой дежурный в тот же день видел, как синий «опель» свернул с Приморского шоссе в сторону оздоровительного центра «Ольгино».

Стройная интересная шатенка вошла в холл оздоровительного центра. Человек, которого она ждала, и сегодня не появился. А она чувствовала кожей приближение опасности. Долго находиться на одном месте ей было страшно. В каждом незнакомом человеке ей мерещился преследователь. Вот и сейчас двое аккуратных, подтянутых молодых людей у стойки дежурного администратора показались ей подозрительными. Нет, не показались, она увидела, как один из них сунул дежурной купюру, и та, воровато оглянувшись по сторонам, стала перелистывать книгу записи приезжающих. Нет сомнений: они ищут ее! Надо удирать, но перед этим она должна кое-что забрать из номера...

Пока двое у стойки, наклонившись, изучали записи в книге, шатенка крадучись пересекла холл, взлетела по лестнице на третий этаж, вбежала в номер... и ахнула. Ее соседки по комнате съехали в ее отсутствие, забрав, естественно, все свои вещи. Мало этого, зловредные бабы прихватили и ту вещь, где она спрятала ключ, ключ от денег. Это был крах. Что делать?

В коридоре раздались приближающиеся мужские шаги. Времени на раздумья и переживания не оставалось. Шатенка выскользнула на балкон, плотно затворив за собой дверь, перелезла на соседний балкон, еще один. Здесь дверь оказалась только слегка притворена. Стараясь

не шуметь, она открыла дверь и вошла в номер. Увидев, что в нем происходит, она усмехнулась: две подруги, которых она постоянно встречала в столовой, на широкой двуспальной кровати были так увлечены друг другом, что не заметили ее появления. Крадучись пройдя через их комнату, шатенка выглянула в коридор. Дверь ее номера была приоткрыта, но в коридоре не было ни души. Она добежала до служебной лестницы, сбегала по ней вниз и выскочила прямо на автостоянку. Посторонних не было видно. Открыв дверцу синего «опеля», она трясущейся от волнения рукой вставила ключ в зажигание. К счастью, мотор завелся с полуоборота.

* * *

Убедившись, что в номере никого нет, оперативники бросились вниз по лестнице: их фигурантка могла уехать из «Ольгина» только на своем «опеле», поэтому ее нужно было перехватить на стоянке.

В холле дорогу им преградили двое дюжих молодцов спортивного вида и хорошо одетый мужчина средних лет.

– Молодые люди, – процедил мужчина сквозь зубы, – я полагаю, вы не из правоохранительных органов?

– А в чем дело? – насторожились парни.

– Дело в том, что вы находитесь на территории частного оздоровительного центра, в котором я отвечаю за покой и безопасность клиентов. Вы здесь бегаете как у себя дома, задаете нашему персоналу массу вопросов, отрывая его от работы, и самое главное – беспокоя наших гостей. Сегодня три наших посетительницы покинули оздоровительный центр, не закончив курса лечения. Возможно, это случилось из-за ваших дурацких расспросов. Конечно, они уже оплатили свое пребывание, так что мы не внакладе, но они могли остаться недовольными и не придут к нам в следующий раз. Кроме того, они могут плохо отзываться о нашем центре и не порекомендуют его своим знакомым. Вы видите – по-моему, я вам все наглядно объяснил, – что вы причинили нашему центру заметный моральный и материальный урон. Так что валите отсюда, козлы вонючие, пока мы вам ребра не переломали.

– За козлов ответишь... – начал было более молодой и вспыльчивый из оперативников, но второй придержал его за плечо: brave молодцы, стоявшие рядом с шефом безопасности, произвели на него впечатление, кроме того, он успел обратить внимание на то, что у них неприятно оттопыриваются пиджаки в том месте, где настоящий джентльмен обычно носит пистолет.

Они и сами собирались покинуть гостеприимные стены оздоровительного центра, поэтому он, подняв руку в успокаивающем жесте, сказал:

– Все, все, шеф. Мы удаемся. Мы были не правы, это ваша территория, нас уже нету.

– И чтобы я больше ваших морд здесь не видел! – прошипел им вслед мужчина. – И всех ребят я предупрежу, чтобы вас близко сюда не подпускали.

Оперативники выскочили из здания центра, бросились к автостоянке, но уже издали поняли, что опоздали – синего «опеля» и след простыл.

– Вот козел! – оглянувшись назад, крикнул более молодой и вспыльчивый. – Если бы он нас не задержал, мы бы ее перехватили.

– Остынь, – успокоил его напарник, – ничего бы мы ее не перехватили. Я думаю, она нас еще внизу засекла. Помнишь, там баба какая-то промелькнула?

– Нет, я не заметил.

– А надо замечать, такая у нас работа.

– Что же ты, если такой наблюдательный, дал ей уйти?

– Согласен, я тоже прокололся. Тут этих баб шляется чертова прорва, все оздоравливаются, а она описанию не соответствовала: та была брюнетка, а эта вроде рыжая.

– Сам знаешь, женщине перекраситься или парик надеть – плевое дело...

– Оба мы были не на высоте, но начальству не обязательно знать про это. Ушла фигурантка – и все. Без подробностей.

– Идиоты! – Полишук брызгал слюной и стучал кулаком по столу. – Вам все, можно сказать, поднесли на блюдечке, а вы умудрились ее упустить. Прямо из-под носа у вас ушла! За что я вам деньги плачу?!

– Но мы теперь знаем, кто она такая, – промямлил один из оперативников, – теперь найти ее не составит труда...

– Да? – саркастически усмехнулся Полишук. – Очень интересно! Сидорова Ольга Ивановна. Вы что, считаете, что это ее настоящее имя? Единственное, во что я могу поверить, – это в то, что ее действительно зовут Ольга. Имя она назвала настоящее, чтобы не путаться и отзываться вовремя, если ее окликнут, а уж фамилия и отчество – не говорите мне, что вы сами в это верите! Это не то что вымысел, а просто чистой воды издевательство! Короче, благодаря вашей тупости мы пришли к тому, с чего начали: у нас есть только «опель». Снова вся надежда на ГАИ. Я чувствую, придется вас всех уволить и взять капитана, раз он за вас всю работу делает. Все, выметайтесь и ищите синий «опель» и вашу «Ольгу Ивановну».

Синий «опель» нашли на следующее утро. Он был брошен на проселочной дороге неподалеку от Белоострова. Следы «Ольги Ивановны» окончательно затерялись.

Мобильный телефон зазвонил у него в кармане, когда машина остановилась на красный свет.

– Я слушаю, – произнес он спокойным твердым голосом уверенного в себе делового человека.

– Куда ты дел деньги? – Голос в трубке был неживой – сухой, металлический, с искусственными механическими модуляциями.

– Какие деньги? – переспросил деловой мужчина с вежливым интересом.

– Прекрасно знаешь какие. Миллион зеленых.

– О чем вы говорите? Я вас не понимаю.

На самом деле он прекрасно все понял. Ладони его вспотели, горло резко пересохло. Сзади послышались гудки рассерженных водителей: оказывается, давно уже горел зеленый, а он так взволновался, что пропустил переключение светофора и сейчас задерживает движение. Тронувшись с места, прижимая трубку плечом, он произнес:

– Вы, наверное, меня с кем-то перепутали.

– Ни с кем я тебя не перепутал, погань толстомордая! Голос-то вон как у тебя задрожал!

– Все нормально с моим голосом, – огрызнулся бизнесмен. – О каких, к черту, деньгах идет речь, если вы убили заложника! Деньги были вам приготовлены. – Сам не зная почему, он начал говорить вполголоса, как будто был в машине не один.

– Мы его убили, козел жирный, когда ты нам пустышку подсунул! И нечего передо мной идиота изображать!

– Ладно, вы тоже не придуривайтесь. Прекрасно знаете, что деньги пропали, что Черкасов успел их спрятать, а если бы вы, сами идиоты, не поторопились его убить, то деньги были бы у нас.

– Не у нас, а у меня! – проскрипел голос.

– Вот как? – холодно проговорил бизнесмен. – Но теперь, когда делом интересуется милиция, когда деньги пропали, а Рубен убит, говорить нам не о чем.

– Слушай, если будешь дальше ваньку валять, я твоим компаньонам прибабахнутым – или они тебе хозяева? – дам пленочку послушать, на которой наш разговор записан, как ты со мной договаривался своих кинуть, за Рубена выкуп получить и поделить... Что, валидольчик ищешь? Ищи, ищи, дорогой, ты мне живой нужен.

– Какая... какая пленка? Это блеф. Не может быть никакой пленки... Это на набережной было, рядом никого и ничего.

Ответом ему был сухой металлический смех.

– Ты наивный, как целлулоидный пупс! Что, не знаешь, как далеко техника зашла? Короче, ищешь деньги, только теперь уже делим их не на твоих условиях, а на моих: мне – сто процентов, тебе за моральный ущерб – ничего. Если такой вариант тебя не устраивает – опять-таки, как в анекдоте, возможны два варианта: или я тебя сам на кусочки нашинкую, или открою глаза твоим дорогим коллегам и они эту процедуру произведут вместо меня. Я лично склоняюсь ко второму варианту: удовольствие такое же, а возни меньше. Особенно китаец у вас суров: деловой мужчина, спокойный, но если его кто подставил или кинуть попытался – страшнее его никого нету.

Мужчина за рулем побледнел как полотно. Потеряв контроль над собой, он проскочил перекресток на красный свет и чуть не врезался в чей-то «мерседес». С трудом справившись с управлением, он свернул к тротуару, остановил машину и перевел дыхание. Затем нажал кнопку отключения мобильного.

Вот они и наступили, настоящие неприятности, а он-то по наивности думал, что все обойдется. Тогда, полтора месяца назад, он думал, что в голове у него созрела вполне приемлемая идея. Похитить Рубена, запросить выкуп, концерн вынужден будет заплатить, никуда не денется. Деньги поделить с похитителями и быстро переправить свою часть за границу, пока есть надежный канал. А то тут, в России, становится трудно существовать, пора уже переезжать в спокойные страны. Он никогда бы не решился на подобное, но уж очень достал его Рубен, а потом он нашел надежных, как ему казалось, людей совершенно со стороны. Это были гастролеры, приехали ненадолго, сделали свое дело – и отбыли в неизвестном направлении. Долго им тут гулять не позволили бы, местные бандиты замучили бы разборками. И все бы удалось, если бы сволочь Черкасов не спутал все карты. Черкасова эти кретины сгоряча убили, баба его смылась, в концерне все смирились с тем, что деньги пропали, и он сам почти смирился, утешая себя тем, что избавился от Рубена, хотя без Рубена дела в концерне действительно пошли плохо. И вот теперь, через полтора месяца, вдруг прорезались похитители и требуют, видите ли, денег. Он понимал, почему они так долго ждали – их не было в городе, удрали и отсиживались где-то, после того как устроили такой шум в городе. И чем ему это грозит? Могут расстрелять его машину, как Черкасова, но еще больше его беспокоило то, что дело может дойти до Ли Фана. С китайцем действительно шутки плохи. Значит, надо действовать. Лежат где-то проклятые деньги, спрятанные Черкасовым, и он должен их найти. Конечно, никому отдавать их он не собирается, искать надо лично для себя, а потом бросить тут все и линять.

Раздался звонок.

– Что замолчал? – послышалось в трубке. – Перевариваешь информацию?

– Да, перевариваю. Дайте мне хотя бы месяц. Ничего не предпринимайте. – Мужчина постарался, чтобы в его голосе послышался страх.

– У тебя времени почти два месяца было, а ты еще просишь!

– Я искал деньги, все это время искал...

– Плохо искал!

– Как умел, – огрызнулся мужчина, – появилась ниточка...

– Почему я должен тебе верить? – тянул похититель.

– А что еще тебе остается? – спросил мужчина. – Ну сдашь ты меня китайцу, а тебе-то с этого какая корысть? У китайца денег точно не получишь. Так что жди месяц.

«Дождидайся!» – подумал он про себя.

– Ладно, но не думай, что от меня сможешь уйти. За тобой мои ребята постоянно следить будут. Так что за рулем будь осторожен, еще врежешься в джип какой-нибудь, платить придется, а у тебя сейчас с деньгами туго будет.

В трубке раздался сигнал отбоя.

«Как же, следить ты будешь, – зло подумал мужчина, – у тебя у самого сейчас земля под ногами горит».

Однако ему было страшно. Больше всего он боялся спокойного, сдержанного китайского бизнесмена господина Ли Фана. Он знал, какие слухи ходят по городу о том, как господин Фан расправляется с теми, кто пытается его обмануть. Такие люди пропадали бесследно, а если потом случайно находили то, что от них осталось, даже у бывалых людей волосы вставали дыбом от увиденного.

Придя в себя, отдышавшись и обдумав сложившуюся ситуацию, мужчина выработал первоначальный план действий. Первым делом он отправится в оздоровительный центр «Ольгино».

К стойке администратора подошел полноватый, хорошо одетый мужчина и робко кашлянул. Женщина за стойкой отложила любовный роман и подняла на мужчину вопросительный взгляд.

– Здравствуйте. – Смущению посетителя не было границ. – Вы понимаете, у вас здесь несколько недель назад... отдыхала моя жена, Ольга Ивановна Сидорова...

Дама-администратор заинтересовалась. Мужчина производил приятное впечатление, во всяком случае, сразу видно, что человек небедный. Что-то уже было у них с этой Сидоровой... В голове смутно бродили какие-то воспоминания.

– Ну и что вы хотели бы? – поощрила она робкого посетителя.

– Понимаете, – он смущался и прятал глаза, – я хотел бы спросить вас, с кем она здесь встречалась, с кем общалась, с кем проводила время... Честно говоря, я подозреваю, что она здесь встречалась... ну, сами понимаете...

На стойке что-то приятно зашуршало. Администраторша сделала неувловимое глазом движение рукой, и купюра исчезла, как исчезает легкомысленная муха, засидевшаяся на солнышке и не заметившая в опасной близости изумрудно-зеленую лягушку.

– Ах вот что вас интересует... – протянула администраторша потеплевшим голосом. Ситуация стала ей понятна: она вспомнила Ольгу Сидорову, это была молодая интересная женщина, моложе ее собеседника лет на пятнадцать, что само по себе ни о чем не говорило. Просто муж слишком ревнив. Администраторша была не та, которую в свое время расспрашивали ребята из концерна. Той страшно попало, ее чуть не уволили с работы. Она бы не поверила в историю с ревнивым мужем, потому что помнила, как серьезно парни расспрашивали ее про Ольгу Сидорову. Но эта, нынешняя, ни о чем не подозревала, она посчитала, что дело вполне житейское.

– Голубчик, – заворковала она, – да вы представляете себе, что у нас тут происходит? Да ведь у нас оздоровительный центр! Дамы приезжают сюда поправить здоровье и внешность, так что ни о каких любовных свиданиях не может быть и речи. Какая женщина потерпит, чтобы любимый человек видел ее в разобранном, так сказать, состоянии! А уж потом, когда пройдут курс процедур и похорошеют, тогда уж во всеоружии... Но это не у нас, смею вас заверить, не у нас.

Администраторша успокаивала как могла ревнивого мужа, но он не очень-то ей верил. Есть же такие зануды! Наверное, очень богат, раз Ольга Сидорова его до сих пор не бросила!

– А с кем же она жила в одном номере?

– В номере? Так они как приехали вчетвером, так и поселились. И уехали все в один день, не дождавшись окончания срока, мы даже забеспокоились, что им у нас не понравилось, но ничего, никаких претензий не высказали. Кстати, я сейчас вспоминаю, жена ваша какие-то вещи не забрала. Так это надо к сестре-хозяйке...

– Что вы, что вы, – замахал руками мужчина, – я этим заниматься не буду.

– Так я вам с уверенностью скажу, что никаких мужчин возле вашей... гм... жены и не мелькало. Она и с подругами своими не очень-то общалась, все одна да одна.

– А что за подруги с ней были? Одна такая полная брюнетка – Нина.

– Нет, полная – это рыженькая. И не Нина...

Взгляд администраторши стал печально-задумчивым, в нем отразилась мучительная борьба с ускользавшими воспоминаниями. Мужчина оказался понятливым, и на стойке снова что-то приятно зашуршало. Администраторша молниеносно смахнула купюру. Лицо ее озарилось внутренним светом, и она, оглядевшись по сторонам, открыла перед симпатичным посетителем нужную страницу книги записи приезжающих.

– Вот, они все подряд записаны. Вот полненькая – Дронова Екатерина. А вот эта – Ташьян Жанна, такая худая брюнетка, южного типа. Вот ваша – гм! – жена, а за ней Снегирева Ирина, светленькая такая, симпатичная.

Мужчина очень внимательно просмотрел записи, стараясь запомнить как следует подруг своей жены. Сами по себе имена и фамилии производили впечатление подлинных, не то что «Сидорова Ольга Ивановна».

– А не скажете ли вы мне, – снова обратился он к женщине за стойкой, – с кем из персонала мне стоило бы поговорить? Кто может подробнее рассказать мне, что делала здесь Ольга?

До администраторши давно уже дошло, что дело тут вовсе не в ревнивом муже, посетитель явно переходил уже всякие границы. Она нахмурилась и отчеканила:

– Вот этого я вам делать очень не советую, гражданин. Будете болтаться по этажам, вас могут заметить ребята из охраны центра, как бы неприятностей у вас не было. Так что ступайте-ка по-хорошему. – Она убрала подальше в карман зеленые купюры.

«Сука», – подумал мужчина и вышел.

Агентство не производило впечатление процветающего: хотя приемная была недавно отремонтирована, но мебель в ней стояла разномастная, что называется, «с бору по сосенке»: несколько современных офисных стульев из гнутой хромированной трубки, но один из них уже нуждался в починке, несколько стульев советского делового стиля семидесятых годов – деревянных, с обтянутым гобеленом сиденьем; диванчик, обитый потертым кожаным материалом...

Девушка за стойкой улыбнулась посетителю:

– Здравствуйте, чем я могу вам помочь?

– Я хотел бы поговорить с вашим шефом.

Девушка нажала клавишу переговорного устройства:

– Юрий Васильевич, клиент хочет говорить с вами... да, хорошо... – и тут же обратилась к посетителю: – Юрий Васильевич сейчас вас примет. Вот в эту дверь, пожалуйста.

Кабинет шефа тоже оставлял желать лучшего: он не поражал своими размерами, не был устлан пушистым ковром, а стол, за которым с важным и занятым видом сидел хозяин кабинета, хранил следы множества пролитых чашек кофе и еще большего количества небрежно затушенных сигарет.

– Я вас слушаю. – Человек за столом оторвался от своих бумаг, среди которых посетитель наблюдательным взглядом успел заметить краешек кроссворда.

– Я хотел бы поручить вашему агентству небольшое расследование.

– Это понятно, – слегка улыбнулся Юрий Васильевич, – никаких иных работ мы не выполняем. Если бы вы хотели починить телевизор, вы открыли бы другую дверь. Но продолжайте, прошу вас.

– Это расследование должно быть сугубо конфиденциально.

– Опять-таки в этом нет ничего необычного. Того же самого хотят все наши клиенты.

«Этот парень слишком разговорчив, – подумал посетитель, – хороший специалист его профиля должен слушать и молчать, а этот не может не высказаться по любому поводу».

– Я слушаю вас, – поощрил его Юрий Васильевич. – Конфиденциальность мы, естественно, гарантируем.

– Очень хорошо. Но я хотел бы, чтобы вы, прежде чем поручить мое дело кому-либо из своих сотрудников, кратко охарактеризовали бы мне возможных кандидатов, чтобы я сам смог выбрать среди них того, кто, по моему мнению, больше всего мне подходит.

Юрий Васильевич взглянул на клиента с удивлением:

– Обычно мы так не делаем. Заказчик излагает мне суть дела, и я сам исходя из особенностей работы подбираю исполнителя. Заказчик с исполнителем обычно не встречается. И даже не знает его, вся информация поступает через меня. Кстати, именно такой подход к делу обеспечивает максимальную конфиденциальность.

– Но в моем случае я хочу, чтобы вы отошли от ваших правил. Я лично хочу ознакомиться с послужным списком ваших людей и выбрать того из них, кто мне больше подходит.

Юрий Васильевич пожал плечами:

– Клиент всегда прав. Конечно, я не буду называть вам имена своих людей и показывать их фотографии, пока вы не остановите свой выбор на одном из них. Что ж, выбирайте. – Он достал из ящика стола папку и, держа ее перед собой так, чтобы клиенту не было видно ее обложку с именем, начал читать: «Образование высшее юридическое, окончил юрфак с красным дипломом. Поступил на работу в городское управление внутренних дел. Успешно продвигался по службе. К тридцати годам – майор, сотрудник отдела по расследованию особо тяжких преступлений. На его счету целый ряд успешно расследованных дел. Хороший спортсмен, кандидат в мастера спорта по самбо и дзюдо, первый разряд по стрельбе. Блестящие показатели по тестам Айзенка. Интеллект значительно выше среднего». Честно вам скажу, – Юрий Васильевич поднял глаза от папки, – это наш лучший сотрудник. Я рекомендовал бы вам его не задумываясь.

– Нет, спасибо, – клиент поморщился, – он мне не подходит.

Юрий Васильевич взглянул на посетителя удивленно:

– Воля ваша, не понимаю. Может быть, вас смущает то, что человек ушел из МВД, несмотря на такую блестящую карьеру? Я объясню, в чем дело: сами понимаете, в отделе по расследованию особо тяжких люди работают днем и ночью, день ненормированный – это мягко сказано. Работа очень опасная. Его жена поставила вопрос ребром: или он меняет работу, или развод. А он к ней был очень привязан. Ну, тут мы ему и сделали предложение: деньги неплохие, работа безопасная и относительно спокойная – в основном проблемы семейные, он и согласился.

– Дело не в этом, – остановил его клиент, – он просто мне не подходит.

«Уж больно умен, – подумал мужчина про себя, – начнет копать, до сути доискиваться, проводить параллели...»

– Ну что ж. Тогда, пожалуйста, другая кандидатура. – Юрий Васильевич открыл следующую папку. – «Сотрудник ФСБ с большим стажем работы. Послужной список в ФСБ засекречен, но отзывы коллег самые хвалебные. Блестящий аналитический ум, отличные физические данные, свободно владеет тремя языками... впрочем, вам это, наверное, ни к чему. К нам попал в связи с сокращением. Замечательный работник, прекрасный психолог».

– Спасибо, этот человек мне тоже не подходит.

«Еще из ФСБ мне не хватало, – думал клиент, – покойный Черкасов был из ФСБ, небось знают уже о его смерти, свяжут мое дело с ним, выйдут на концерн, а там узнают про деньги. Нет, из ФСБ мне никого не нужно».

– Ну, я просто теряюсь... Ума не приложу, как вам угодить. Ну вот, еще один человек. – Перед хозяином кабинета появилась следующая папка. – Он значительно моложе первых двух, окончил факультет психологии. До того, как пришел к нам, работал консультантом в РУОП.

Молод, энергичен, умен, у нас справляется с любой работой блестяще, прекрасно находит подход к женщинам, что в нашей профессии немаловажно...

– Нет-нет, этот мне тоже не подходит.

«Тоже больно молодой и шустрый. Как бы бабы ему лишнего не наболтали. Опять никакой секретности не выйдет».

Юрий Васильевич явно разозлился на привередливого клиента. Стараясь не проявлять эмоций, он с еле заметной усмешкой вытащил папку из нижнего ящика стола.

– Если вам не подошли те кандидатуры, то, возможно, этот человек вас устроит. Агентство у нас небольшое, персонала мало, кое-кто занят, так что не обессудьте. Мы, правда, собирались уже с этим сотрудником расстаться... В прошлом – журналист криминальной хроники, сменил несколько мест работы, не сойдясь характером с руководством. Сорок два года. Физическая форма... когда-то была неплохая, в молодости занимался борьбой, но бросил спорт и форму не поддерживает.

– А почему вы собирались его уволить? – Клиент явно насторожился. – Он что, с вами тоже не сошелся характером?

– Нет, конфликтов у нас не было, просто у меня к нему накопились претензии. Он... как бы вам сказать? Он профессиональный неудачник. Ни одного порученного дела не довел полностью до конца.

– Что, совсем дурак? – напрямик спросил клиент, усмехаясь.

– Нет, вы поймите меня правильно, совершенного дурака мы бы не взяли на работу, – спохватился Юрий Васильевич, – но у этого все время какие-то досадные срывы.

– Но он может выполнять простые, четко поставленные задачи?

– Разумеется, но именно простые, хотя он не глуп, и в людях разбирается, но... думаю, он просто не подходит для нашей работы.

– Ничего, у меня задание несложное, – усмехнулся заказчик, – этот человек меня устроит.

– Хорошо, – Юрий Васильевич пожал плечами, – как скажете. Я вас предупредил, а дальше – воля ваша. Будете ставить ему задачу через меня?

– Сделаем так. Вы проведете с ним беседу, ну... о том, что этот заказ будет для него решающим, испытательным, так сказать, а я уж сам с ним потом встречусь и поставлю задачу.

«До чего ж ты мне надоед!» – подумал Юрий Васильевич, любезно улыбаясь заказчику.

В мексиканском ресторане «Кукарача», что на набережной реки Фонтанки сразу за зданием бывшего Дворца пионеров, было малоллюдно. Время было не то чтобы обеденное, но и не совсем для ужина – пять часов вечера. Ресторан, вернее, ресторанчик, потому что еда, а главное – цены были там ресторанные, а само помещение находилось в полуподвале и обставлено было просто; так вот, ресторан бывал полон только по вечерам. Причем ходила туда преимущественно молодежь, люди посolidнее предпочитали места иные.

В уютном уголке сидели три женщины, чувствовалось, что пришли они сюда не столько поесть, сколько пообщаться.

В зал вошел новый посетитель, мужчина лет сорока. Он огляделся, выбрал уединенный столик, сказал официантке, что ждет приятеля и чтобы пока она принесла ему минеральной воды и кофе. Когда официантка отошла, он с любопытством огляделся, потому что был здесь впервые, как-то раньше не случалось. Стены в помещении ресторана были расписаны черепахами и толстыми мексиканцами, на стенах висели гитары и сомбреро. Рядом с его столиком в аквариуме плавала большая живая черепаха.

– Привет, старушка! – улыбнулся он черепахе.

Официантки все были латиноамериканского типа – очевидно, учатся здесь и подрабатывают в свободное от учебы время. Все они были ничего себе, смуглые, яркие и улыбочивые, но хорошенькая только одна, та, что подошла к его столику.

«Это хороший знак, она принесет мне удачу», – подумал посетитель.

Он неторопливо повернул голову и скользнул рассеянным взглядом по залу. Вон там в углу сидит его будущая работа. Он вспомнил известный анекдот про трех интеллигентных дам и усмехнулся. Действительно, три интеллигентные дамы, достаточно молодые и интересные. Через полчаса он узнает про них кое-что, а недели через две должен будет узнать все. А пока знает очень немного: одна из них – юрист, вернее нотариус, преуспевающая деловая женщина, вторая – художник, но не живописец, а что-то прикладное, дамское, а третья – домохозяйка. Три подруги, такие разные. Интересно, что их связывает?

Мужчина передвинул вазу с цветами и пригляделся к дамам повнимательнее. Он напрасно беспокоился, дамы не смотрели по сторонам, они были поглощены разговором. Небось сплетничают или обсуждают новый способ похудеть. Пока у него есть время, можно попробовать определить, кто из них кто. Это не составит труда, он любит наблюдать и анализировать. Вон та пепельная блондинка в дорогом черном костюме, естественно, нотариус. Выглядит, правда, молодо для нотариуса, но бывает всякое. Очевидно, это ее новенький «фольксваген-гольф» стоит на парковке у ресторана. Машина абсолютно дамская, а больше деловых и обеспеченных женщин он в зале не видит. Издалека ему было не разглядеть, что дамы пили – коктейли или сок, но, надо полагать, насчет блондинки он прав. Яркая брюнетка, сильно накрашенная, в чем-то бордово-трикотажном, с огромными серебряными серьгами в ушах, – это, разумеется, художница. На шее блестящее ожерелье, волосы собраны в прическу – что-то немыслимое, но художники любят производить впечатление. И наконец, вон та рыжеватая веснушчатая толстушка с минимумом косметики и безвкусно одетая – это, разумеется, домохозяйка. Наверняка требовательный муж и дети-оболтусы, изредка выбирается пообщаться с подругами, чтобы чувствовать себя современной женщиной.

За дамским столиком шла чисто дамская беседа, когда участницы разговора непоследовательно перескакивают с предмета на предмет и ничуть этим не тяготятся.

– Ой, девочки, как я рада вас видеть! Такая жизнь суматошная, почти два месяца не встречались!

– А действительно, почему мы не перезванивались? Жанка, ты что усмехаешься? У тебя новый роман?

– Может, и так!

– Да уж, Жанночка у нас всегда при кавалере, не то что мы, растяпы.

– Не обобщай!

– А ты, Катерина, опять растолстела! Зря мы, Ирка, ее в «Ольгино» возили, столько сил на нее потратили. Она небось по приезде сразу в пышечную побежала.

– Ну люблю я мучное, что же делать! Конечно, некоторым можно по десять пирожных на ночь съедать, все равно они как жерди, не в коня, что называется, корм.

– Неправда, Ирка на диете сидит, я знаю.

– Ничего не на диете, только не ем столько мучного и сладкого, как Катка! Но авокадо, девочки, я просто обожаю, ничего с собой сделать не могу. И еще креветки, какое же все калорийное!

– Катерина, не ешь столько картошки, скоро не в одну дверь не пролезешь! С тобой в автобусе в проходе небось не разминуться!

– Своими секретаршами командуй, – огрызнулась Катерина, – весь аппетит сбила! И потом, меня теперь на машине возят, общественным транспортом почти не пользуюсь.

– Интересно, кто же это?

– Хахаля завела? – Последние реплики подруги произнесли хором.

– Ой, девочки, я, кажется, влюбилась!

– Ну начинается, – вздохнула Жанна.

Разговору помешала официантка, она убрала тарелки из-под закуски и принесла горячее. Из солидарности с подругой за рулем остальные двое тоже отказались от спиртного и пили сок.

Мужчина за дальним столиком неохотно перевел взгляд на черепаху в аквариуме.

– Сергей Анатольевич? – негромко окликнули его. – Мы с вами уговаривались по телефону о встрече.

– Да, это я.

Вошедший присел за стол, кивнул официантке.

– Вот, рекомендую «Буритас», очень вкусно, а впрочем, это не важно, заказывайте что хотите. Итак, вот вам задание. Те три женщины за угловым столиком, мне нужно знать о них все. Где они бывают, с кем живут, с кем просто встречаются, как проводят свободное время – друзья, любовники. Сведения эти мне нужны как можно быстрее и должны быть как можно подробнее. Необходимое условие – полная конфиденциальность, ну и, разумеется, они не должны почувствовать слежку. Надеюсь на ваш профессионализм, мне вас рекомендовали с самой лучшей стороны. – Мужчина любезно улыбнулся. – Теперь вот вам кое-какие первичные данные. – Он протянул через стол листок бумаги, на котором было напечатано всего несколько строк: Ташьян Жанна Георгиевна, домашний адрес и телефон. Кроме этого, там был еще номер машины. – Как вы, наверное, догадались, – продолжал заказчик, – Ташьян – та яркая брюнетка. Она нотариус, ее контора находится на улице Восстания, почти на углу с Невским проспектом, напротив метро.

При этих словах Сергей Анатольевич опустил глаза на листок. Надо же так ошибиться! Но ведь она совершенно не похожа на деловую женщину, с такими-то монистами.

– Далее, номер второй: Дронова Екатерина Михайловна – художник, вон та, рыженькая. Тоже адрес и телефон, она работает дома.

Сергей Анатольевич почувствовал сильнейшее желание полюбоваться черепахой. Если рыжая толстуха – художник, то та интересная блондинка в черном костюме – домохозяйка. Умеют же эти бабы морочить людям головы! Хорошо, что он сдержался и не стал распространяться заказчику о своих наблюдениях, ведь он был уверен, что правильно вычислил, кто есть кто. Тогда не видать бы ему этой работы как своих ушей.

Дамы в углу продолжали оживленно беседовать.

– Катерина, немедленно расскажи, кто у тебя есть, откуда он взялся и где вы познакомились.

– Душа моя, это несущественно, – самодовольно заговорила было Катерина, но потом счастливо рассмеялась: – Ой, девочки, он такой хороший, просто прелесть! Обещал летом взять меня с собой в Италию!

– Кто же он по профессии?

– Он... – задумалась было Катерина, – у него своя фирма, что-то торговое, но очень интеллигентный человек!

– Я себе представляю, – тихонько проговорила Жанна. – И где же он тебя подцепил?

– У Лили, у нее была презентация ее работ в казино Контти. Там все так шикарно, нас с Машкой тоже пригласили. Машка – керамист, вы ее видели. Мы с ней и с Лилей вместе начинали, а теперь...

– А теперь у Лили презентация в казино «Контти», а ты сидишь в захлавленной квартире и нашиваешь свои тряпочки! – резко сказала Жанна.

– Это несущественно! – вызывающе взглянула на нее Катерина. – А потом, эти, как ты называешь, тряпочки, то есть панно, я продала недавно за пятьсот долларов.

– Раз в жизни повезло, – не унималась Жанна, – а сколько ты над ним работала!

– Это несущественно, – грустно ответила Катя, – ну, почти год. Что ты от меня хочешь, – воскликнула она со слезами в голосе, – не всем же быть деловыми и богатыми! Вот, сейчас тушь потечет. – Она схватила сумку и побежала через весь зал в дамскую комнату.

Дамы немного помолчали, потом Ирина спокойно спросила:

– Зачем ты ее мучаешь? Она все равно не изменится.

– Неужели ты думаешь, что мне это доставляет удовольствие? – вспыхнула Жанна. – Просто сил нет смотреть на эту тетеху! Как можно так жить в наше время! Влюбилась неизвестно в кого, знакома с ним всего ничего, а уже искренне считает, что лучше его нет никого на свете!

– Может быть, действительно приличный человек, – произнесла Ирина с ноткой сомнения.

– Ты прекрасно знаешь, что приличный на Катку не посмотрит! В таком виде и в таких дешевых тряпках! – безапелляционным тоном высказалась Жанна.

– Однако раньше тебе не была свойственна такая резкость в суждениях, – недовольным тоном произнесла Ирина.

Жанна опомнилась – что это ее вдруг понесло, ведь Ирка тоже живет небогато.

– Прости, у меня сегодня был трудный день.

– Ты лучше перед Катей извинись, – сухо ответила Ирина.

Несколько минут они смотрели молча каждая в свою тарелку. Потом появилась Катерина, веселая и свежеемытая.

– Ну ее к черту, эту косметику. Я ее вообще смыла! – Она махнула рукой.

Жанна с Ириной изумленно переглянулись: появиться в общественном месте без косметики еще хуже, чем расхаживать дома среди бела дня в халате и ночной рубашке. Но Катке этого не объяснишь – она вылупит глаза, взмахнет коровьими ресницами и скажет: «А что такого?»

– Жанка, ты на меня не сердись, – миролюбиво продолжала Катя, – я сейчас и правда очень счастливая. Все остальное, душа моя, несущественно. Давайте, девочки, выпьем за наше здоровье. Куда это официантка запропастилась? – Катка сорвалась с места и побежала искать официантку.

– Ты заметила, у нее даже манера речи изменилась, – с улыбкой сказала Ирина. – Вставляет в разговор обороты, раньше для нее совершенно нехарактерные.

– Вот и я о том же! – подхватила Жанна. – Она совершенно теряет голову от первого попавшегося мужика. А что она от них видела, кроме неприятностей? Муж при разводе менял квартиру, запихнул ее в коммуналку. Любовник, которого она искренне считала вторым мужем, оказался женатым, ушел со скандалом и напоследок еще ободрал.

Ирина рассеянно кивала, обводя взглядом зал. Спорить с Жанной ей не хотелось, Жанна во всем всегда права. Она имеет право осуждать их с Катериной, тем более что делает это не из зависти и не со зла, а хочет их в чем-то убедить. Катку-то нужно воспитывать, ее вечно заносит, но ее, Ирину, ни в чем убеждать не надо, она и так понимает, что живет неправильно. Но что можно сделать? Кое-какие меры она в последнее время предпринимает, но пока рано признаваться подругам и вообще кому бы то ни было.

Какое приятное местечко! Спасибо Жанке, не дает им с Каткой заплесневеть. В последний раз она вытащила их на неделю в оздоровительный центр «Ольгино». Катерине срочно нужно было худеть, и они с Жанной за компанию провели оздоровительный курс – очищение организма. Неизвестно, прибавляется ли от этого здоровья, но само сознание того, что целую неделю занимаешься только собой, прибавляет бодрости и морального удовлетворения.

Какие огромные аквариумы там у дальней стенки. В двух какие-то экзотические рыбы, а в одном – да это же черепаха! Огромная, прямо Тортилла! Ужасно хочется рассмотреть ее поближе, но неудобно подходить, там совсем рядом столик, он занят двумя мужчинами. Судя по всему, они ведут деловой разговор. Ирина отчетливо видела только одного мужчину – лысоватого, достаточно плотного, хорошо одетого, но не сомневалась, что его визави, скрытый вазой с цветами и бутылкой минеральной воды, тоже мужчина. Разумеется, деловой разговор можно вести и с дамой, но скорее всего тогда не в ресторане, а во-вторых, у мужчины, бесе-

дующего с дамой, обычно иное выражение лица. Более мягкое, что ли. То же самое можно сказать и о мужчине, разговаривающем с дамой по телефону. Разумеется, речь идет об интеллигентных, достаточно образованных мужчинах. Этот за столиком на первый взгляд производит неплохое впечатление. Хотя... судя по дорогой одежде и уверенной манере держаться, он принадлежит к так называемым хозяевам жизни, а эти почему-то скрывают интеллигентность, даже если она у них есть, что само по себе встречается достаточно редко.

Хорошо одетый мужчина вынул плотный конверт и положил его на стол. Ирина с удовольствием отметила, что рука, забравшая конверт со стола, была мужской. Она любила наблюдать, а потом делать выводы; эта привычка появилась у нее в последние годы. Иногда в транспорте она, глядя на какого-нибудь человека, придумывала мысленно, как бы она построила с ним разговор. И как может себя вести тот или иной индивидуум в различных условиях. Когда-то, еще давно, она поделилась своими наблюдениями с мужем.

«Делать тебе нечего!» – усмехнулся он.

Это было не совсем верно – забот-то у нее было предостаточно: дом, дети. Но вот голова была свободна, поэтому она часто размышляла на отвлеченные темы.

Человек за столиком возле черепахи вдруг резко обернулся и встал. Ирина еле-еле успела опустить глаза в тарелку – нехорошо пялиться на незнакомых мужчин.

– Девочки, что будем пить? – Катя отыскивала официантку.

Жанна поморщилась и заказала себе слабенькую «Пинаколаду» – очень сладко, но мало градусов. А Ирина с Катькой решились на «Маргариту», причем Катка не утерпела и, несмотря на укоризненные взгляды подруг, взяла сладкую, с клубникой. А Ирина – обычную, соленую.

– Девочки, давайте мириться! – Катка умильно заглядывала им в глаза.

Жанна рассмеялась:

– Не морочь нам голову, рассказывай, что у тебя за хахаль!

– Я же и говорю, приходим мы в казино «Конти», опоздали, конечно, пока к Лиле протолкались, надо же было хоть пару слов ей сказать, потом хватились, а нам и шампанского не досталось. Машка так разозлилась: из-за тебя, говорит, опоздали...

– Естественно! – вставила Жанна.

– Я говорю, уж если тебе невтерпеж, то вон иди и сама шампанское купи, в баре есть. Она сунулась было, а как узнала, сколько там шампанское стоит, так сразу назад бежит. И тут вдруг идет он и говорит: «Милые дамы, не хотите ли выпить?» – и протягивает нам два бокала. Вот так и познакомились. Машка сначала хотела было на него глаз положить, но он сразу дал понять, что только мной интересуется.

«Не может быть!» – Жанна под столом пихнула Ирину ногой и глазами выразила сомнение.

«Может, – Ирина успокаивающе кивнула, – видела я эту Машку».

– А потом он меня оттуда увез в кафе! – восторженно рассказывала Катерина. – А потом...

– Неужели с первого раза ты потащила его в дом? – ужаснулась Жанна.

– Нет, что ты, – смутилась Катя, – на второй раз... да какая разница, – рассердилась она, – я же не девочка!

– Это верно, – со вздохом согласилась Жанна, – далеко не девочка, а ума... Ну как можно приводить в дом незнакомому человеку? Ты хоть спросила, кто он и откуда взялся в казино «Конти»?

– Конечно, его привел приятель, он знает Лилу.

– Как зовут приятеля? – немедленно поинтересовалась Жанна.

– Слушай, ты не на работе, – вступилась за Катю Ирина.

– Вот именно! – радостно завопила Катька. – И вообще, ты мне просто завидуешь, – по-детски добавила она.

Жанна совершенно не обиделась, а Ирина рассмеялась:

– А что ей завидовать, когда у нее самой на личном фронте все в порядке. Верно, подруга?

– Как ты догадалась... – пробурчала та.

– У тебя всегда вид по-деловому уверенный. А когда есть любовник, то в глазах еще и чувство явного превосходства, – поддразнила Ирина.

Она сделала это нарочно, чтобы Жанна немного рассердилась, начала пикировку и не задавала ей, Ирине, лишних вопросов. А то вон как внимательно Жанна на нее смотрит, так и хочет спросить, как у самой Ирины личные дела и почему это она так хорошо выглядит. Катька, святая простота, ничего не замечает, а у Жанны глаз острый, профессиональный. Именно по этой причине Ирина не хотела касаться личной темы: если она соврет, то Жанна поймет и обидится, а правду говорить преждевременно, ведь Ирина и сама еще не поняла, что с ней творится...

Пока они болтали, мужчина за столиком рядом с черепахой ушел, но его собеседник, по-прежнему не видный, остался.

– Десерт будете? – неслышно подошла официантка.

– Я буду, – оживилась Катерина. – А вы?

– Нет, пожалуй, – протянула Ирина, – вот разве что кофе...

– Два кофе, и покрепче! – распорядилась Жанна и повернулась к Катьке, улыбаясь: – Так что, выходит, что у твоего любовника нет никаких недостатков?

– Он замечательный, такой... – Катя не нашла слов, – но один недостаток у него есть, он женат!

– Разве это недостаток? – удивилась Жанна. – По-моему, девочки, это достоинство. Ну сами посудите, приходит он раза два в неделю, весь чистый. Пуговицы все аккуратно женой пришиты, взгляд не голодный, сам спокойный, все у него хорошо. С таким человеком и время приятно провести. И нужно нам друг от друга только одно.

«Да уж, невозможно представить себе Жанну, пришивающую пуговицы», – усмехнулась про себя Ирина.

Но возможно, так и надо? Жанна давно в разводе, сначала жила с мамой и сыном, потом купила себе квартиру, обставила по своему вкусу и ночует там, когда хочет, приводит, кого хочет.

– Значит, твой тоже женатый? – с любопытством спросила Катя.

– Естественно! – Жанна взглянула на часы. – Катерина, доедай десерт, и пошли, мне еще на работу заехать нужно.

Сергей Анатольевич увидел, как дамы встают из-за столика. Костюм на блондинке был недорогой, он просто очень хорошо сидел. У нее вообще была отличная фигура. Она оглянулась в его сторону, как бы почувствовав мужской взгляд. Он сделал вид, что уронил счет и скрылся под столом – совершенно ни к чему, чтобы его запомнили. На самом деле Ирина просто захотела еще раз взглянуть на черепаху.

Сергей подозвал официантку, расплатился и не спеша пошел к выходу. Пока три женщины оденутся и накрасят губы, можно горы свернуть. Когда они показались на ступеньках, он уже сидел в машине. Он думал, что они все вместе сядут в «фольксваген», но дамы решили пройтись – очевидно, чтобы выгулять килокалории, съеденные в мексиканском ресторане. Был конец апреля, солнце светило, как летом.

– Жанночка, спасибо тебе, ты поезжай. А мы пройдемся, погода – прелесть.

– Не пропадайте, девочки, обязательно звоните! – И машина Жанны скрылась за углом.

Ирина подхватила Катю под руку, и они пошли к Невскому. Сергей Анатольевич на своей «пятерке» болотного цвета поехал за новеньким «фольксвагеном», но недолго, потому что Жанна остановила машину у нотариальной конторы.

На улице было так хорошо, что подруга слегка разморило после сытной еды. Даже Катерина перестала болтать. Ирине не хотелось возвращаться домой, дома все было плохо, то есть не то чтобы плохо, но как-то противно, не по-людски. Она была рада, что они остались с Катей вдвоем, с Жанной приходилось все время держаться настороже. Но Катерина вдруг сама начала трудный разговор:

– Мы все о себе. А как у тебя дела?

– Все так же, – вздохнула Ирина и отвела глаза.

Катя не стала спрашивать, только сжала ее руку и сказала убежденно:

– Держись, подруга, все еще изменится к лучшему! Вон какая ты хорошая, тебе обязательно в жизни повезет.

– У тебя все хорошие, – засмеялась Ирина, – и вообще ты, Катька, оптимист.

– Это несущественно! – тоже засмеялась Катя.

– Ты со своей любовью небось и работу забросила?

– Что ты! Наоборот, столько идей появилось. А панно я правда продала, только не за пятьсот долларов, а за триста.

– Купи себе что-нибудь из одежды, – осторожно сказала Ирина, боясь обидеть подругу.

– Прямо не знаю, уже все деньги распределены. Ремонт хочу сделать. А то неудобно. – Она застенчиво улыбнулась.

Комната у Катерины была большая, с красивым стрельчатым окном. Но страшно запущенная.

– Слушай, пойдем завтра по магазинам, поможешь мне обои купить. И найдешь мастера?

– Найду, – улыбнулась Ирина, – и купить помогу. Заодно посмотрю на последние твои работы.

– Чудно! – Катя чуть не захлопала в ладоши.

Ирина задумалась. Завтра ей трудно будет выбраться из дому, а вечером у нее другие планы, но Катерина при своем несомненном художественном таланте была в быту не только абсолютно непрактична, но и вкус ее куда-то пропадал. Она могла купить какие-нибудь аляповатые обои, про одежду лучше вообще не вспоминать – ходила в каких-то непонятных свободных сарафанах, как будто вечно беременная, как однажды ехидно заметила Жанна.

Следовало Катьке помочь и не откладывать в долгий ящик, потому что Катька забудет или передумает, потом деньги кончатся, и благие намерения пропадут даром.

– Хорошо, встречаемся завтра в три часа в метро у Гостиного, не опаздывай.

Они расцеловались и разошлись.

В метро у Ирины настроение немного испортилось, но она постаралась отогнать дурные мысли – что толку. В метро нельзя поддаваться плохому настроению: уходишь в себя, начинаешь перебирать все прошлые обиды, выражение лица становится скорбно-недовольным, выглядишь лет на десять старше. В другом общественном транспорте можно смотреть в окно, а в метро люди от нечего делать присматриваются друг к другу. И вот едет человек до нужной станции, например, минут сорок и всю дорогу смотрит на твою недовольную физиономию. И постепенно сам заражается твоим плохим настроением, а на него тоже кто-нибудь в это время смотрит. В результате на конечную станцию приезжает полный вагон расстроенных, озлобленных людей. Они пойдут домой к мужьям и женам, постараются им также испортить настроение, так постепенно злоба и ненависть расходятся как круги по воде. Нет уж, путь лучше люди, глядя на нее в метро, думают: вот едет привлекательная, со вкусом одетая женщина, достаточно

молодая (а что, тридцать семь лет вполне еще приличный возраст, да и выглядит она лет на пять моложе), все у нее в жизни хорошо и смотреть на нее приятно.

От таких мыслей Ирина повеселела, но, когда она шла домой от метро, опять стало нехорошо. Не зря она так боялась Жанкиных расспросов, ответить ей было нечего. Кто она такая? Домохозяйка. Дом подразумевает семью, а семьи у нее нет. На правой руке обручальное кольцо, а мужа-то как раз и нет. То есть он есть, но далеко и, похоже, давно уже не считает себя ее мужем.

Все началось семь лет назад, ну да, именно столько она уже не работает. Ее уволили с работы – в общем-то было за что, ведь она вечно рвалась домой, к детям. Как она могла оставлять их одних, отправлять одних в школу, если сыну было десять лет, а дочке – восемь? Муж преподавал русский и литературу на кафедре для иностранцев в университете, давал частные уроки. Тогда все жили бедновато, как-то это не бросалось в глаза.

«Посиди дома», – сказал Андрей.

Она согласилась, да и куда бы взяли женщину с двумя достаточно маленькими детьми? В первый год она просто обалдела от счастья и свободы. Не надо было будить детей на час раньше, чтобы выпроводить в школу, не надо было на работе выслушивать нравоучения хама-начальника – он обожал сидеть, развалившись на стуле, при этом дамам сесть, разумеется, не предлагал, и снисходительно вещал: «Вы, Ирина Анатольевна, неправильно воспитываете своих детей. Вы должны старшему поручать младшего и спрашивать с него по всей строгости. А вы воспитываете слюнтяев и белоручек», – и так далее. Не надо было вечно унижаться и просить одолжения у бабушек-дедушек, чтобы посидели с детьми, не надо было, как каждый год, с ужасом ждать лета, задавая себе вопрос: куда отправить детей на отдых и кто с ними будет сидеть?

Она воспрянула духом и похорошела, хотя по-прежнему не было свободной минуты – семья отнимала все. По прошествии года такой жизни мужу неожиданно предложили поехать преподавать в Англию на один семестр. Он согласился не раздумывая – всего четыре месяца, Ирина не работает, справится без него одна.

Муж вернулся совершенно другим человеком. Та жизнь полностью его захватила. Когда прошла радость от встречи, когда побывали в гостях все друзья и были рассмотрены все фотографии, он впал в депрессию. Но ненадолго, потом оживился, начал работать, пропадал в университете, что-то там устраивал, интриговал и со следующей осени выбил себе курс лекций на год в том же колледже в маленьком городке Сент-Олбанс недалеко от Лондона.

«Год – это очень много», – неуверенно возразила Ирина.

«А на что ты собираешься жить дальше и содержать детей? – холодно спросил он. – И вообще, это вопрос решенный».

Дети не давали ей скучать этот год, но муж вернулся совсем чужим. Он ходил по квартире как гость. И с ней он стал совсем другим, все изменилось в их отношениях. Он много времени проводил с детьми, Ирина понимала: это для того, чтобы поменьше с ней общаться. Она молчала, выяснять отношения она никогда не любила, и потом, иногда лучше не выяснять ничего до конца. Она думала, что муж постепенно привыкнет, ведь детей он очень любил. Но он пробыл дома несколько месяцев, а потом показал ей какие-то бумаги. Оказалось, ему прислали уведомление, что с ним заключен контракт на три года, он уезжает очень скоро.

– А как же мы? Детям нужен отец, – в полном отчаянии сказала Ирина.

Муж отвечал гладкими фразами, видно, в отличие от нее давно уже продумал весь разговор, что у него там, в Англии, маленькая квартирочка, что взять их с собой он пока не может, что очень дорого будет платить за жилье и обучение детей, а так присылаемых им денег Ирине с детьми вполне хватит для безбедного существования.

Он все рассчитал, учел и ее растерянность, и гордость. Она не могла кинуть ему в глаза упрек, что он бросает их здесь, потому что муж не отказывался содержать семью.

– Но почему тебе обязательно надо уезжать? Ты мог бы и здесь найти приличную работу, – все же сказала она.

– Я полюбил эту страну, не смогу без нее жить, ты не представляешь, как там хорошо!

В его словах была такая страсть, что она отшатнулась. Никогда раньше она не видела его таким, даже в лучшие минуты их семейной жизни. Ирина поверила ему и поняла, что проиграла. Если бы речь шла о другой женщине, она бы пыталась бороться, потому что все еще любила его и ради детей, но соперничать с целой страной Ирина не могла.

С тех пор прошло четыре года. Муж приезжал в отпуск все реже, последний раз они виделись полтора года назад. Дети ездили к отцу, она – никогда. В первый раз, когда сын вернулся, он отмалчивался, отводил глаза, но все равно проболтался, что подарки покупала Джеки. И хоть Ирина знала, что муж там живет не один – молодой здоровый мужчина не может быть один, – но теперь, когда подружка мужа там, в Англии, обрела имя, ей стало еще тяжелее.

В Англии муж преуспевал. Он получил звание профессора, его приглашали читать лекции о русской поэзии в другие города, он писал статьи в крупные журналы и даже выпустил книгу. Детей он обожал и страшно ими гордился, ведь Ирина воспитала их очень разумными. Сейчас старший сын заканчивает школу и поедет учиться в Англию, отец добился для него там стипендии. У всех все хорошо, только она, Ирина, оказалась выбита из жизни.

Жанна сердилась на нее и воспитывала всю неделю, пока они жили в «Ольгино».

«Ты хоть понимаешь, что, как только дети достигнут восемнадцатилетия, он перестанет посылать тебе деньги?! Тем более если они будут учиться в Англии. И на что ты тогда будешь жить? Почему ты не устраиваешься на работу?»

«А куда я пойду? – возражала Ирина. – Малооплачиваемая работа мне не нужна, денег пока хватает, а хорошую мне никто не приготовил. Ну знаю я компьютер, ты ведь не возьмешь меня к себе клерком, верно?»

«Тебе уже не по возрасту, – угрюмо отвечала Жанна. – Я не понимаю, как можно быть такой легкомысленной».

Ирина отмалчивалась.

Сейчас, подходя к своему дому, она перечисляла в уме: итак, мужа считай что нет, он никогда не вернется, дети, конечно, хорошие, но в последнее время усвоили по отношению к матери покровительственный тон, совершенно не помогают по хозяйству и вообще мать презирают. Они уже вышли из того возраста, когда маму любят просто за то, что она мама, теперь им надо гордиться тем, что она собой представляет. А по мнению детей, Ирина не представляет собой ничего. Итак, муж, дети – все плохо. Теперь дальше – работа. С работой тоже не все понятно. Последние восемь месяцев она кое-чем занимается...

«Спокойно, милая, – одернула она себя, – работа – это то, за что платят деньги, а ты за свою деятельность не получила пока ни копейки, следовательно, у тебя не работа, а хобби».

Но ей до смерти хотелось своей собственной прилично оплачиваемой работы. Хобби, на которое уходит так много времени, она просто не может себе позволить.

Ирина открыла дверь своим ключом. Никто не вышел ей навстречу. Она сняла плащ, туфли и прошла по коридору босиком.

– Ребята, вы где?

В ответ по-прежнему не раздавалось ни звука, хотя она знала, что дети дома.

«Собаку завести, что ли? – подумала она. – Будет встречать с радостью, становиться на задние лапы».

Дети сидели по своим комнатам: сын уткнулся в компьютер, а дочка делала математику с наушниками на голове. Ирина в который раз подивилась, как можно что-то сообразить в

алгебре под «Мумий Тролля», но спор их с дочерью об этом в свое время закончился ничем, никто никого не сумел переубедить.

– Вы ели? – осведомилась она.

– А что есть-то? – немедленно отозвался сын, причем в голосе его явно слышались скандальные интонации голодного мужчины.

– Как – что? – Ирина прошла на кухню, по дороге прихватив тапочки. – Суп и котлеты. Вы что, сами салат нарезать не могли?

Ответом ей было пренебрежительное молчание. Когда она переодевалась в своей комнате, сын наконец оторвался от своего компьютера и заорал:

– Ну, мы будем когда-нибудь есть, черт возьми?!

Ирине после ресторана совершенно не хотелось возиться с едой, но она побрела на кухню.

«Когда я успела их так распустить? – удивлялась она, нарезаая огурцы и помидоры. – Неужели это сидело в них с рождения? Неправда, – возразила она себе, – лет до десяти они были чудесными детьми. Наверное, у всех так, мои хоть учатся хорошо, а у других бывает гораздо хуже. Но с отцом мои дети никогда так себя не ведут. Это естественно, отец преуспевающий и обеспеченный человек. И потом, они его редко видят, а я вечно торчу перед глазами. Они привыкли ко мне, как к тому креслу».

Дети, привлеченные вкусными запахами, притащились на кухню, Наташка даже соизволила снять наушники. Они даже не спросили, почему она не ест и где вообще была, им это было неинтересно. Зазвонил телефон. Поскольку никто не двинулся с места, Ирина встала и пошла на звонок.

– Здравствуй, – послышался в трубке такой волнующий голос.

Сердце у Ирины сжалось, а потом забилось сильно-сильно, как в юности.

– Добрый вечер, – ответила она и перевела дух.

– Я так рад слышать твой голос.

– Я тоже рада тебя слышать, но мы же договорились, что ты будешь звонить мне только днем, когда никого нет.

– Я звонил днем, никто не ответил. Где ты была? – спросил он с интонацией ревнивого мужа.

Ирина засмеялась:

– С подругами в мексиканском ресторане.

– Какие подруги? – насторожился он.

– Успокойся. Именно подруги, женского пола.

– Когда же мы увидимся? – настойчиво спросил он.

– Мы поговорим об этом завтра утром. Хочешь, я сама тебе позвоню? – вполголоса сказала Ирина.

– Нет, лучше я сам. – В трубке раздались гудки.

Ирина постояла немного в коридоре. Она слишком строга. А что, если ему это надоест и он больше не позвонит? Ну и пусть, сказала себе Ирина, но в этот дом я его никогда не приведу, и дети не узнают о наших встречах, мне неудобно.

Это и был один из двух ее секретов, которыми она не хотела делиться с подругами. У нее появился близкий мужчина. Она не хотела применительно к нему употреблять вульгарное «любовник». Жанна бы подняла ее на смех, если бы узнала, что у нее много лет никого не было. Тогда, два года назад, когда она узнала, что у мужа в Англии есть подруга, здравый смысл и врожденная порядочность не позволили ей переспать с первым попавшимся мужиком, она понимала, что ничего, кроме отвращения, это ей не принесет. Надо, чтобы как минимум человек нравился. Но она была одинока, подходящего человека нигде было встретить, поэтому оставалось горевать одной.

Жанна всегда говорила, что Ирина слишком положительная и серьезная, таким в нашем времени просто нет места. Возможно, она права, но переделать себя Ирина не могла.

– Мама, чай будем пить? – донеслось из кухни.

– Иду, – очнулась Ирина.

* * *

Катерина, как всегда, опоздала на полчаса, примчалась вся красная и распаренная. Она оправдывалась на ходу, что у соседки Зои Вениаминовны поссорились кошка с собакой, кот устроил форменный скандал, они никак не могли его урезонить.

– Да не было же у Зои никакой собаки!

– Теперь есть, она нашла такого кокера Яшеньку – прелесть! А кот ревнует и сегодня так на него набросился, что еле отняли мы Яшу.

– Весело у вас!

Они очень удачно купили недорогие обои, краску и все, что нужно для ремонта. Разумеется, Катерине такое было одной не дотащить, поэтому Ирина решила зайти, хотя времени совсем не было.

В коридоре они застали рыдающую Зою Вениаминовну.

– Совсем озверел Тихон, – сквозь слезы сообщила соседка, – напугал собачку до полу-смерти и на меня бросился.

– Это он вам показывает, кто в доме хозяин, – засмеялась Катя, – вы ведь с ним не посововетовались, когда Яшу в дом привели, вот он и обиделся.

– Яшенька, Яша, выйди, покажись! – сморкаясь, звала Зоя Вениаминовна.

Кокер вылез из маленького закутка на кухне между плитой и холодильником. Был он рыженький, с длинными ушами, как полагается, очень симпатичный, но худой – отошал, пока жил без хозяев.

– И что с ним теперь делать? Придется отдавать кому-нибудь. А то у нас не квартира, а сумасшедший дом! – сокрушалась Катя.

Ирина потрепала потерпевшего кокера и прошла в Катину комнату. Против ожидания там был относительный порядок.

– Покажи, что сделала за последнее время.

– Неохота доставать, – колебалась Катя.

Ирина удивилась – раньше Катя была рада часами показывать ей свои панно и очень дорожила Ирининым мнением.

– Ну смотри, – решила Катерина, – вот три маленькие картинки, а панно большое едва начато, уж не буду разворачивать.

– Превосходно! – искренне восхитилась Ирина. – Катя, у тебя талант! Что-то в тебе появилось новое, какой-то новый стиль...

– Да, в последнее время так хорошо работается... – мечтательно протянула Катя и ненадолго взглянула на часы.

И хоть Ирина смотрела в это время на картины, она заметила, что подруга нервничает.

– Его ждешь? – догадалась она.

– Ну да. – Катя смутилась. – Извини...

– Что ж сразу не сказала? – Ирина схватилась за сумочку, потом оглядела подругу: – Причешись хоть!

– Куда ты, оставайся, я вас познакомлю, – бормотала Катя, отводя глаза.

– Еще чего! Он сюда приходит не для того, чтобы с твоими приятельницами чаи гонять!

– Да нет, у него время есть, он никогда не торопится. Мы с ним разговариваем много, все больше о книгах. Он обожает в книгах рыться.

У Кати была большая библиотека, доставшаяся ей от родителей. Ни муж, ни любовник в свое время на нее не позарились.

– Чтобы женатый – и не торопился! Странно!

– Это несущественно, – махнула рукой Катя.

Ирина надевала плащ в коридоре, когда Зоя Вениаминовна схватила ее за руку:

– Ирочка, дорогая, я вас умоляю, возьмите временно к себе Яшу.

– Что? – От неожиданности Ирина не попала в рукав плаща.

– А что? Квартира у вас отдельная, трехкомнатная, зверя никакого нету – ни кошки, ни собаки. Возьмите недельки на две-три? А я тем временем кого-нибудь ему подыщу.

– Прямо не знаю, – колебалась Ирина.

Она хотела сказать, что у мужа аллергия на шерсть животных, поэтому они никого не заводят, но тут же рассердилась на себя – какой муж? Объялся груш!

– Давайте! – решительно согласилась Ирина, но тут же малодушно добавила: – Но не больше чем на месяц.

– Хорошо, хорошо, – суежилась Зоя Вениаминовна, – не беспокойтесь.

Яшу пристегнули к поводку и вывели их за порог. На улице Ирина осознала, что на метро с собакой не поедешь. Правда, люди возили в сумках болонок, такс и даже тибетских терьеров, но Яша был кокером крупным, к тому же у Ирины была с собой только маленькая дамская сумочка. Она оглянулась вокруг в поисках машины поскромнее и увидела выворачивающую из-за угла машину болотного цвета. Но на ее поднятую руку водитель не обратил внимания, наоборот, прибавил газу и скрылся.

«Наверное, не любит собак», – подумала Ирина.

Их подвез пожилой дядечка на старой «Волге». Всю дорогу он беседовал с Ириной о собаках, она почерпнула для себя много интересного.

Дети встретили Яшу с недоумением, но, в общем, слов никаких не произносили. На ужин Ирина дала Яше три котлеты, потом подумала немного и добавила четвертую – собаке нужно поправляться.

Вечером неожиданно позвонила Жанна. У них всегда так: если уж увиделись, то потом несколько недель перезваниваются и встречаются, а потом пройдет время, и они забывают друг про друга на месяцы.

– Слушай, завтра буду днем в твоих краях.

– Так заходи! – обрадовалась Ирина. – Я тебя с Яшей познакомлю.

Жанна хмыкнула в трубку, но расспрашивать не стала.

С утра Ирина проводила детей в школу, причем Яша терпеливо сидел в коридоре, не бросаясь уходящим под ноги и не подсовывая старые ботинки. Во-первых, Яша оказался очень вежливой и деликатной собакой, а во-вторых, у Ирины в коридоре не валялось ничего лишнего. После их ухода Ирина натянула старые джинсы и кроссовки и пристегнула Яшу на поводок.

– Яша, сейчас мы пойдем гулять не для удовольствия, а для дела, так что сосредоточься.

Яша послушно сосредоточился, и через двадцать пять минут они повернули к дому. Дома они основательно вымыли лапы, потом Яша доел котлеты, а Ирина приняла душ и выпила кофе, слегка подкрасилась и сбегала к соседям на шестой этаж. Там жила пожилая семейная пара, они всегда держали собак, сейчас у них жила симпатичная колли Джессика. Старички очень приветствовали то, что Ирина завела собачку, хоть и на месяц, рассказали, что надо Яше купить в первую очередь, дали почитать книжку про кокеров и провели необходимую консультацию по поводу собачьего питания. Потом старички спустились вниз посмотреть на Яшу, нашли его очень привлекательным и удалились. Ирина еле успела смотаться до ближайшего универсама за продуктами, как в дверь позвонила Жанна. Девушки полюбовались Яшей, но недолго, потому что Яше надоело себя демонстрировать и он ушел под письменный стол, а подруги уселись на кухне перекусить и поболтать.

– Значит, так и живешь? – спросила Жанна. – Дети, собачка...

– А что плохого? – улыбнулась Ирина, у нее сегодня было хорошее настроение, может быть, потому, что с утра прогулялась с Яшей и получила заряд бодрости.

– Ирка, не морочь мне голову, – решительно высказалась Жанна, – что-то у тебя произошло, я же вижу.

– Расскажу, Жанка. Обязательно, только позже. Сглазить боюсь, – взмолилась Ирина.

– Ну ладно, – Жанна засмеялась, – раз у тебя дело сдвинулось с мертвой точки, я потерплю.

Жанна сегодня по теплой погоде была в умопомрачительно дорогом брючном костюме. Словно демонстрируя его, она встала и прошлась по кухне. Костюм впечатлял, у Ирины даже шевельнулась мысль, не позвать ли Яшу, накормить его, к примеру, сметаной, и чтобы он потом положил морду Жанне на колени. Но она эту мысль подавила, главным образом потому, что не знала, как Яшин желудок отнесется к сметане.

– Жанка, ты цветешь! – Ирина постаралась, чтобы в голосе не прозвучала зависть.

– Да уж, – Жанна улыбнулась, – знаешь, как-то пришелся он мне по нраву. Жалко будет расставаться.

– Зачем расставаться? – удивилась Ирина.

– Иначе нельзя, – серьезно ответила Жанна, – привяжусь крепко, влюблюсь, как Катерина, начну глупости разные делать... Кстати, как она?

– Представляешь, в комнате убрано, даже ремонт собирается делать!

– Да ну?

– Точно, вчера обои покупали, и телефон мастера я ей дала.

– Слушай, это уже серьезно! Ты только ей про меня не рассказывай, – смутилась Жанна, – а то я ее воспитываю, а сама ведь тоже дома со своим встречаюсь.

– Давно вы знакомы?

– Недавно, – Жанна сама выглядела удивленной, – меньше двух месяцев, а уже так привыкла. Ужас, сколько же в нас бабства!

– Как же вы познакомились, если не секрет?

– Какой там секрет! Въехал он в меня на своей «ауди». Крыло помял. Я было выскочила ругаться, но он выходит, такой смущенный, ах, простите, говорит, я не нарочно, вот, говорит, возьмите деньги, только не будем ГАИ вызывать, а то одна нервотрепка. Я говорю, насчет ГАИ я согласна, но мне машина целая нужна, не могу же я на работу на автобусе ездить! Он говорит, пожалуйста, хотите я вас к знакомому мастеру отвезу, он все быстро в один день сделает. Я и согласилась. Поехали мы, далеко, правда, а пока ребята трудились, он меня в кафе пригласил, там как раз кафе рядом неплохое оказалось. Ну, слово за слово, так и познакомились. Потом телефонами обменялись, потом еще раз встретились. Я, конечно, не Катька, но тоже долго не сопротивлялась, быстро его к себе в квартиру привела. Сама посуди, – оправдывалась Жанна, – он женат, не могу же я по чужим койкам обитать, при моем-то положении!

– Это верно, – согласилась Ирина, – по чужим койкам в нашем возрасте уже несолидно. Мужчина-то интересный?

– Еще бы! – подхватила Жанна с восторгом. – Высокий блондин, мускулы – во!

– У тебя прямо Катькины интонации! – Ирина откровенно веселилась.

– Ой, не говори, наверное, потому, что весна. Вот, разошлась я, не знаю, как до вечера доживу!

– А когда меня Катька вчера вечером выставила, я хотела тебе позвонить, поболтать, а потом думаю – может, ты тоже занята.

– Да нет, я вчера у мамы была, там и ночевала.

Жанна подвезла их с Яшей к метро, где они зашли в маленький магазинчик «Вакка» и купили миску, новый ошейник, расческу и пачку витаминов. От намордника Ирина с него-

дованием отказалась – еще не хватало на кокера намордник надевать, но зато купила Яше яркий резиновый мячик. Обратно они мило прогулялись две остановки пешком, встретили на пустыре соседа Георгия Петровича с Джессикой, и под давлением общественности Ирина решила отпустить Яшу с поводка. Ничего не случилось, Яша вежливо поиграл немного с Джессикой, а потом они все отправились домой.

Прибежали дети, пообедали наскоро, не успев удивиться по поводу сосисок и макарон, потому что еду Ирина успела приготовить только для Яши. Потом сын убежал по своим компьютерным делам, а дочка, прособиравшись часа полтора, отбыла на дискотеку, по субботам Ирина ей это разрешала.

Когда наконец осталась одна, она, волнуясь, подошла к телефону и набрала заветный номер. Все подружки сегодня развлекаются, она тоже имеет право на несколько часов счастья в субботний вечер. Но в трубке раздавались длинные гудки. В общем-то ничего удивительного, ведь она сама сказала ему вчера, что в субботу никак не может, тем более вечером. Но все же в ее сердце шевельнулось тяжелое чувство – где он, с кем?

Ну что ж, сказала себе Ирина, не будем поддаваться унынию и займемся делом, раз не получилось развлекаться. Она вымыла посуду, закрутила краны на кухне и в ванной, чтоб не отвлекали, закрыла двери на все замки, проверила Яшу, который безмятежно спал на половике в коридоре, и вошла в комнату сына.

Подавив привычное раздражение при виде книг на полу и разбросанной по всей комнате одежды, она взялась за дело. Книги и тетради поставила на полку, валявшиеся на ковре компьютерные дискеты убрала в ящик стола, туда же пошли все аудиокассеты. Разбросанную одежду аккуратно сложила и убрала в шкаф, смахнула пыль со стола, компьютера и магнитофона. Вот и все, двадцать минут, и комната в относительном порядке. Интересно, почему же сын не может так делать хотя бы раз в три дня? Ирина думает, что он делает это нарочно, зная, что ее буквально трясет при виде брошенной комом одежды. Сын же называет это инстинктом домохозяйки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.